



Ева Шилова

# За каким плечом



СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

18+

# **Ева Шилова**

## **За каким плечом**

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=56488169](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56488169)*

*SelfPub; 2020*

### **Аннотация**

Что делать, если жизнь так и норовит показать тебе отнюдь не фасад? Правильно, попробовать предпринять нечто радикальное! А если при этом "полетят щепки", всегда можно будет напомнить и себе, и окружающим – не я это начал! Содержит нецензурную брань.

# Содержание

Пролог	5
Часть 1. Раз, два, это не только слова...	8
Часть 2. Три, четыре, меня нету в этом мире	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

*Когда женщина мстит – здравый смысл умолкает.*

*Самое правильное, что может сделать мужчина, – это уносить ноги, не раздумывая.*

***Виктория Токарева***

# Пролог

Ей было тяжело идти, но она все равно шла, стараясь делать это бесшумно. Иногда под ноги попадались острые камни и глубокие выбоины, и хотелось непроизвольно вскрикнуть от боли, но нельзя, нельзя! И приходилось закусывать губу и продолжать двигаться «кошачьим шагом», потому что на кону стояла не только жизнь. Больше чем жизнь. И если бы не дикая ярость, поджаривающая душу изнутри, никогда бы измученному телу не справиться с такой нагрузкой. Она дошла до ограды и даже сумела беззвучно отомкнуть калитку, успев подумать, что хорошо хозяева об имуществе заботятся, вон, даже петли не скрипнули, и проскользнула по знакомой тропинке к задней двери дома. Замки – ерунда, ключик у нее давно был, но теперь настал самый опасный момент. Ее увидеть или услышать не должны. Никто не должен даже предположить, что она здесь была, иначе... иначе все насмарку.

А внутри дома особо ничего не изменилось. Те же стены, оббитые гобеленами, те же тусклые маголампы, поставленные на ночной режим, тот же слишком темный паркет, а это и к лучшему, следов, даже если они останутся, никто не увидит. На них и внимания не обратят. Поэтому тихо-тихо поднимаемся по задней лестнице на второй этаж и ищем то, что нужно. Переполох сегодня был отменный, народ в большин-

стве своем должен спать как убитые, но кого-то не могли не оставить бодрствовать. Сидит там кто-то, бдит, но с этим у нее хватит сил разобраться. Главное, чтоб не оказалось таких бдящих излишне много. А вот и нужная ей комната. Накидываем легкий флёр и на цыпочках, не дыша, прокрадываемся мимо незнакомого стражника, который за день сомлел от усталости и мирно похрапывает, присев у стенки, а вот и то, ради чего она сюда пробиралась. Старая Марианна, поставив маголампу на минимум и так уже дремлет, клюя носом, значит, поспит сегодня чуть покрепче. Не мешая ей сделать то, ради чего все и затевалось.

Да что ж они тут столько всего наворотили, пусть покарает их Мать-Заступница проклятьем «неверной руки»! Так и самой запутаться недолго. Ага, вот оно куда заправляется, да быстрее же шевели конечностями, сейчас самый опасный момент! Готово. А теперь уходим, постаравшись никого не потревожить. Спящая старуха, молоденький мальчишка, мимо, мимо, тихо, аккуратно, лестница, коридор, дверь. Закрывать замок, ключик под крылечко, мало ли, кто и когда его обронил, ко мне это никаким боком. Калитка и дорожка к моей хибарке, скорее, скорее, мои заботы этой ночью еще не закончились.

Оглядываться она не стала. На что ей оглядываться, вернее на кого? На того, кто сладко пел, но обманул? Так к этому и шло, ей самой не следовало слушать, но кого и когда это волновало? Но теперь у нее есть шанс поквитаться и ка-

кой шанс! Завтра, вернее, уже сегодня утром она покинет эту местность, а разговоры можно и отложить лет на несколько.

Говорят, месть – это блюдо, которое подается холодным. А готовлю я хорошо.

# Часть 1. Раз, два, это не только слова...

Капли дождя нехотя стекают по стеклу, оставляя за собой кривоватые дорожки и кажется, что природа за окном не торопится просыпаться, а плачет во сне, не желая расставаться с зимним пуховым покрывом под которым так сладко спиться. Но кто-то самый знающий, что и когда надо делать, счел, что пора наступить весне и пытается насильно всех разбудить, насылая то оттепель, то редкие проблески солнца сквозь свинцовый полог туч, то влажный ветер, который безжалостно теребит голые ветви деревьев, настырно стучит в окна домов, и коварно, холодными смерчками влетает под одежду людей, требуя очнуться и начать бодрее двигаться.

Двигаться не хочется. Вот в этом Мира с природой абсолютно солидарна. И что, что сейчас всего два часа после полудня? Пасмурно и кажется, что ночь наступит вот-вот. Хочется прилечь и заснуть, и чтоб не будили, и чтоб теплое одеяло и старый кот Висент примостился рядом и намурлыкивал нехитрую сонную песенку. А проснуться... проснуться можно и потом, когда мир окончательно поверит в то, что уже весна и начнет бурно радоваться теплу, прорастая почками на деревьях, расцветая садами и полями, и привечая вернувшихся с юга птиц. А пока за окном первый весенний

месяц и мокрый грязный снег, и оголодавшие вороны, кажущиеся еще более нахохлившимися под редким дождем, и зрелище это унылое никоим образом не располагает ни к радости, ни к лишним телодвижениям. Спать...

Не получится. Матерь-Заступница, да откуда же в людях столько ненужной бодрости?!

– Миранда Ди Каштру Ди Андради, извольте спуститься в каминный холл, ваш отец с матушкой уже ожидают!

Наша экономка, Валентина Антунеш, да оставят ее боги своими милостями во веки вечные! И ведь как бесшумно подкралась, как привидение, не иначе. Святому отцу, что ли, как-нибудь намекнуть на небожественные ее способности? И что, она от этого начнет громко топтать, предупреждая о своем появлении? Не начнет. Но, может, отец ее на кого другого заменит, кто ходит как живое существо из плоти и крови, а не передвигается как бесплотный дух? Тоже вряд ли, слугами отец практически не занимается. Что ж, пошли вниз, нам еще до столицы добираться. А там переночуем в городском особняке, приоденемся и во дворец. Кому-то развлечение. Кому-то мука.

Почему отец не воспользовался порталом? Дорого... но удобство важнее! Сам же он по королевским поручениям постоянно так ходит! А тут вместо короткого «прыжка» и сам мается и всю семью заставил передвигаться в карете по снегу, щедро перемешанному с грязью. Почему не захотел воспользоваться такой возможностью? Четыре часа в карете в

душном дорожном платье и тяжелом полушубке оставили у Миры ощущение, что она превратилась в огородное пугало. Причем, пугало, которое в процессе обрядания было неоднократно захватано потными руками. Братишки, в отличие от своих родителей, спокойно сидеть не могли, им надо было все рассмотреть, потрогать, подергать, понять, как устроено у кареты сиденье, на чем крепится потолок и все их перемещения почему-то происходили через Миру. То перелезут по ее коленкам, потому что в противоположном окне оказалась работающая мельница, то держась за ее плечо, потянутся к подвесным оконным ламбрекенам, то начнут искать на полу упавшую запонку, почему-то держась за ее юбку. Поэтому по прибытии в городской особняк она так намаялась, что уже не хотела даже есть. Помыться и спать. Долго спать.

Утром Миру все равно разбудили ни свет, ни заря и погнали на примерку бального платья. Ну, еще бы! Граф Ди Андради, королевское должностное лицо, впервые выводит в свет единственную дочь! Всем стоять смирно! Восторгаться! Благоговеть! Мирина бы воля, она бы никуда не выходила. Но титул. Обязанности. Данное всеми грандами королю обещание. И вообще традиция. А потому покорно стояла и терпела последнюю подгонку бальной сбруи. Кто ж додумался до таких немислимых ухищрений, что женщина в праздничной одежде напоминает врага, загнанного в пыточное кресло? Тут в этом корсете не то что есть, пить, двигаться, а даже дышать и то затруднительно. Мира в какой-то мо-

мент времени начала серьезно опасаться не упадет ли она в обморок.

И цвет. Вот зачем было идти на поводу у обычаев и обряжать ее в бледно-желтое убожество? Понятно, что резкие агрессивные цвета можно себе позволить только после замужества и одобрения одного супругом, но неужели непонятно, что в маисовом платье ее смугловатая кожа выглядит тусклой, как будто она тяжело больна? Разве нельзя было попробовать сшить платье нет, не пошлое розового, но хоть бледно-зеленого, тоже горячо рекомендуемого дебютанткам цвета? Нельзя. Молодым девушкам при первом представлении в свете положено быть в чем-то светлом и приличном, и ты пойдешь именно в таком платье, припечатала Каролина Ди Андради. А бесправным падчерицам тут вообще слова не давали, повисло в воздухе недосказанное. Это для себя мачеха постаралась, выбрав туалет черно-алой расцветки, в котором выглядела поистине сногшибательно, на страх сплетницам и завистницам. И знаменитый родовой рубиновый гарнитур Ди Андради смотрелся на ней так, как будто несколько веков назад при его изготовлении ювелир точно знал для кого он его делает, пусть это случится и через много лет.

А моей маме рубины не шли, неожиданно подумала Мира, вспоминая единственный родительский совместный портрет. На нем Мария Ди Андради, урожденная герцогиня Ду Карму Ди Каштру выглядит совсем девочкой, лет на пятнадцать. И рубиновое кольцо на ее шее больше напоминает гар-

роту, а отнюдь не украшение. И мне рубины не идут, хотя при черных волосах и карих глазах это вроде как должен быть мой камень. Родовой, некоторым образом. А вот не смотрится, хоть что делай. Может, оно и к лучшему, потому что уж кому-кому, а мне мачеха фамильный гарнитур никогда не уступит. Она его жене старшего сына передаст и будет в своем праве.

Когда-то Мира никак не могла взять в толк, почему для бала дебютанток выбрано такое странное, холодное и промозглое время – месяц капельник, когда из дому не хочется выходить вообще, пока наставница Андина не разъяснила пансионеркам, как именно все это завязано на сроки.

– Представление двору молодых леди из самых знатных семей, герцогов, маркизов, графов, которым исполнилось шестнадцать лет, специально назначается на первый весенний месяц. Исключение для менее знатных делается только в случае проснувшегося дара. На балу дебютанток вы с молодыми или взрослыми грандами присматриваетесь друг к другу. Сразу после этого начинается период шитья нарядов для балов, который как раз и отнимает у белошвеек месяца полтора, и половину капельника и весь ветрень. А с первого дня последнего месяца весны – грозовика начинается сам сезон балов, который длится два месяца, захватывая и первый месяц лета – цветень. Последние два месяца в городе слишком жарко и знать разъезжается либо в поместья, либо на отдых к морю. В это время начинается период двусторон-

них писем, родители обговаривают брачные контракты или отказывают соискателям. Осенью, в желть, в первый месяц возрождения светских раутов наступает период брачных предложений, чтобы во втором осеннем месяце – листопаднике, начинать устраивать свадьбы. Это делается для того, чтоб и сами балы прошли в удобное, теплое время, и чтоб у пар было достаточно времени для общения и понимания, лежит ли у них душа друг к другу или нет. Иногда после летней разлуки может оказаться, что «весеннее безумие» не привело к появлению постоянных чувств.

У менее знатных девушек и юношей нет такой возможности – присмотреться, поэтому на балах они вынуждены быстро искать привлекательного партнера, пока не увели всех потенциальных супругов. Поэтому, чем ты знатнее, тем больше шансов отыскать соответствующую положению супругу или спутника жизни, понятно?

Во дворец Мира ехала как будто кол проглотила, чему способствовал не только корсет, а еще и страх прислониться к спинке сиденья и порушить высокую «приемную» прическу. Все-таки первое представление при дворе, надо соответствовать, вспомнить все наставления мачехи и постараться не опозорить семью. К моменту входа в бальный зал ее уже слегка колотило от волнения, колени подрагивали, но она напоминала себе, что нужно держать лицо и крепче сжимала ручку веера.

– Граф Жуан Лукаш Ди Андради с супругой Каролиной!

Виконтесса Миранда Ди Каштру Ди Андради! Виконт Виторио Кунья Ди Андради! Виконт Сантьягу Кунья Ди Андради!

Что ж он так орет? Этот... как его там – церемониймейстер? Петух он горлопанистый, а не придворный. Мира чуть веер из-за него не уронила, настолько неожиданно он проорал их титулы чуть не над ухом, чтоб его перманентная простудная лихорадка посетила. Но, слава Матери-Заступнице, обошлось. И семейство графа чинно направилось к трону, приветствовать вдовствующего короля Партонии Карлуша Эдуарду Ди Визйра IV.

Ух, какой он важный... и давящий? Под взглядом очень светлых королевских глаз, просверливших ее чуть не насквозь, Мира почувствовала себя не человеком даже, а мелкой никчемной зверушкой, навроде полевой мыши, чья жизнь не стоит ломаного гроша, а судьба может быть решена легким мановением властной руки. Ой, лучше бы ей держаться от такой мощи подальше! И только поднявшись из протокольного реверанса и уступив место следующим желающим засвидетельствовать свое почтение, она сумела кое-как перевести дух.

– Страшно? – весело спросил отец.

– Да. Он такой...

– Он такой. Наш король один из сильнейших некромантов.

Некроманты, ну да, Мира читала о том, насколько они бы-

вают нужны и насколько редок подобный дар. Разгневается, успокоит, раскается, передумает, поднимет, извинится, снова успокоит... А узрев некроманта-короля воочию, поняла, что самое ее горячее желание – оказаться от него максимально далеко. И уже собиралась, несмотря на давящий корсет, насладиться всеми радостями бала, потанцевать, попробовать игристого вина, если ей позволят, рассмотреть нарядных гостей, ведь возможно кто-то из присутствующих молодых грандов станет ее мужем, но все планы нарушил подбежавший к отцу ливрейный лакей. Оказывается, Его Величество призывает к себе графа Ди Андради с супругой и дочерью для беседы.

– Ваше Величество, я счастлив, что удосто....

– Ваше Сиятельство, не будем ходить вокруг кобылы, забыв про телегу. Вы как сильный маг земли в ранге пеллин<sup>1</sup>, являетесь одним из самых востребованных зрителей крепостей района Пиорошт и опорой королевской власти при защите границ. Меня интересует как в Вашей семье обстоят дела с передачей наследственного дара потомкам.

– У Виторио Кунья Ди Андради уровень мертлонг, с перспективой пеллин, у Сантьягу Кунья Ди Андради – янлер, с перспективой пеллин.

– А как обстоят дела у Вашей очаровательной дочери?

---

<sup>1</sup> Ранги магов: падаван – начальный ранг обретения силы, файтер – следующий ранг, янлер – третий по силе ранг, мертлонг – 4-й ранг, харат – 5-й ранг, луст – 6-й ранг, пеллин – 7-й ранг, октус – 8-й ранг, нохоз – 9-й ранг, прима – высший разряд развитого магического дара.

Отец помрачнел, и Мира его прекрасно понимала. Никак они у нее не обстоят. Первый уровень, самый низший ранг, и ни один из домашних учителей, сколько ни бился, так и не смог научить ее «раздуванию» дара. Это особенно неприятно на фоне младших и успешных братишек.

– У Миранды уровень падаван.

А так, если подумать, зачем Мире магия? Не заставят же ее на грядке копать или в поле урожай растить. По правилам стараются, конечно, сводить для удачного брака пары с сходной магией, но с невесты обычно достаточно самого факта наличия дара, сила и степень его открытия у будущих детей как правило, зависят от отца.

– Граф, Вам известно о растущей напряженности на границе с Ильварией, и о том, что в перспективе у нас война. А значит, все потенциальные носители дара могут вот-вот оказаться на вес золота. Я не намекаю на Ваших несовершеннолетних сыновей, но Ваша дочь уже вошла в первый взрослый возраст<sup>2</sup>, и вопрос о развитии ее дара переходит в разряд вопросов государственной важности. Сколько точно ей лет?

– 1 плодня исполнится семнадцать.

– Возраст подходит... Для Академии уровень низковат, значит, будет развивать дар в Школе магии. Занятия начинаются в желтень, первый месяц осени. Озаботьтесь получить список необходимого и отправить дочь учиться.

---

<sup>2</sup> Первый взрослый возраст граждан Партии – шестнадцать лет, второе совершеннолетие наступает в восемнадцать лет.

Понятно, что ни мачеху, ни саму Миру никто ни о чем не спросил. Приказание выдано, извольте исполнять! Каролина только отойдя от трона на возвышении робко спросила мужа:

– А Виторио и Сантьягу?

То, что падчерицу куда-то собираются законопатить – это наплевать, свои дети ближе.

– Их уровень, скорее всего, еще вырастет и они сразу упадут в Академию. А Мире придется учиться в Школе магии.

– А... мы же хотели подумать об удачном замужестве?... И граф Луарди как раз здесь...

– Отложим. Сначала учеба. Королевские приказы не обсуждаются.

Мира тоже попробовала выяснить, что ж это за Школа такая и отец, морщась, пояснил, что там учатся одаренные с уровнем не больше третьей ступени. Предполагается, что там учителя смогут развить их дар, чтоб особо сильные шли учиться дальше, в Академию. А слабым дорога на более незначительные посты, девушкам без особого потенциала, как правило, замуж.

– А почему ты так недоволен?

– А потому, что там обучаются слабенькие маги. И не все из них соответствующего происхождения. И я не планировал тебя туда посылать, а вот теперь придется. Надеюсь мэтр Кандал доведет тебя к осени до разряда янлер, или хотя бы файтер, позволяющий действовать как боец, а то падаван...

Ну вот, оно все и стало на свои места. Самые сильные маги у нас из высшей аристократии, им прямая дорога с такими дарами сначала в Академию, потом на руководящие посты. Виторио и Сантьягу с третьим и четвертым уровнями, которые они явно еще повысят, поступят именно туда. А Мира будет прозябать среди неродовитых слабаков. Странно только, что мальчишки унаследовали более сильный дар при бездарной мачехе, а Мире от матери, которая была пусть слабеньким, но все же магом воздуха, толком ничего не перепало...

В пансионе ее встретили с горящими глазами и потребовали:

– Рассказывай!

Интерес девчонок Мире был понятен, она единственная из всех старших учениц, кто мало того, что удостоился попасть на бал дебютанток, так еще и в Школе магии будет учиться! Ей завидовали, но как-то не злобно, понимая, что это ее отцу в силу графского титула удалось заполучить приглашение на королевский бал, а дочерям баронов и даже виконтов приглашения давать никто и не собирался. Ну, только если у них прорывы в магии случатся прямо накануне бала, тогда да, шанс есть. Ну, а раз прорывов не случилось, придется им довольствоваться информацией в имеющемся изложении. Мира и рассказала и о неудобном платье, и о помпезности дворца, и о решении короля.

– А мачеха твоя что на это сказала?

– Сначала скривилась, как уксусу хлебнула. Долго цедила сквозь зубы что-то там о необходимости пользы для рода. О нарушении планов...

– Это она тебе не иначе как собиралась на балу подобрать удобного женишка! Чтоб окончательно тебя из семьи выгнать, а заодно и свою выгоду соблюсти! А тут король взял и потребовал развития твоего дара, ты смотри, как для нее не вовремя!

– А... почему не вовремя?

– Потому что браки одаренных утверждаются на самом верху, для продолжения нужных родовых линий. И мнение твоей мачехи никто даже слушать не будет. Так что шанс тебя выгодно... считай, продать в чужой род она упустила.

– Зато быстро сообразила, что теперь нужно шить не столько шикарный бальный гардероб, сколько практичную одежду ежедневного использования для Школы. Сэкономить можно.

– И пусть кривиться, и пусть ворчит. А что она сделать может? – вмешалась Милла. – Дело не просто в королевском решении, а еще и в высоте рода. Это ты дочь графа, это у тебя мать герцогиня. А она так, дочь виконта. И, поверь мне, такое в свете не забывается. А если уж о развитии твоего дара сам король озаботился похлопотать, готовься, тебя ждет гораздо более интересная судьба, чем твоя мачеха там себе думала. Придется ей утереться от несработавших убогих надежд.

Мира призадумалась. А ведь Милла права. Это она дочь графа и герцогини. А ее мачеха, урожденная Каролина Да Кунья, дочь виконта. На сколько там ступеней ниже титула матушки? Понятно, что наличие более знатной падчерицы для нее как бельмо на глазу, еще бы ей не хотеть от нее избавиться. Тогда можно будет сосредоточить все внимание отца на ее детях, сыновьях-наследниках. Мира к своим сводным братьям Виторио и Сантьягу спокойно относится, но мачеха-то вполне способна рассматривать ее как помеху своим грандиозным планам. А уж если королевской волей ее отсылают в Школу магии, то мачеха сможет спокойно выдохнуть и перестать суетиться. Теперь решать ее судьбу предстоит короне.

Мира надеялась, что обучение в Школе магии окажется гораздо более интересным, чем в пансионе, и уже предвкушала взрослую жизнь, где будут новые люди, новые предметы и новые впечатления, но начальница пансиона леди Эухения ду Сантуш довольно жестко разъяснила ей ее будущее.

– Наши женские пансионы, открываемые частными содержательницами, не имеют почти ничего общего ни с областными гимназиями, ни с уездными училищами, ни с приходскими приютами, ни уж, тем более, со Школой магии. Потому что у них все по-разному. И разделение классов, и объем преподаваемых предметов, и число наставников, и учебные пособия, и ход учения в них не совпадает со стандартными гимназическими или приютскими курсом.

Да еще к тому же нет двух женских пансионов, в которых бы преподавание и даже число преподаваемых предметов было совершенно одинаково. Надзор за ходом и успехом учения, существует только извне, в зависимости от требований родителей девушек. И Вы, попав в Школу магии, можете оказаться в роли не самой успешной ученицы, а это чревато насмешками и издевательствами.

Наставница Андина Перейра тоже подлила масла в огонь:

– Миранда, Вы никогда не задумывались о том, что в нашем пансионе Вы самая знатная особа? Тем не менее, это так. Вам следовало бы обучаться в заведении более высокого класса, и помимо стандартных предметов, среди которых в нашем пансионе преподается грамотность, каллиграфия, история, два-три иностранных языка, манеры, танцы, вокал, живопись, этикет, шитье, существует набор предметов, которые Вы должны были бы изучать в пансионе, более соответствующем Вашему положению? Это основы юриспруденции, история и основы магии, ведение бухгалтерии, основы дипломатии, музицирование на нескольких музыкальных инструментах, основы батика, станковая композиция, художественная культура, кулинария, особенности сервировки стола и подачи блюд. Поместив Вас к нам, Ваша мачеха на Вас явно сэкономила, Мать-Заступница ей судья, но выйди Вы замуж, никто бы на это особого внимания не обратил. Ваши будущие родственники списали бы Ваши огрехи на местечковое образование и ждали от Вас только приданного и рож-

дения наследников. А теперь в Школе Вас будут окружать не самые приятные представители магического общества, которые не преминут Вас «уколоть» за любой промах. Вы со своим происхождением окажетесь для них удобной мишенью для насмешек, причем, при Вашем флегматичном характере Вы даже отпор им дать достойно не сможете!

– И... что мне делать?

– Как можно лучше изучить все то, что наш пансион способен Вам предоставить за оставшиеся месяцы. А я, в свою очередь, напишу Вашему батюшке о необходимости изучения дополнительных предметов, которые Вы сможете успеть освоить летом.

И Миранде пришлось учиться. Мало ей было ильварийского и талльского языков, они хоть из той же языковой группы, что и партонийский, но пришлось в срочном порядке продираться еще и сквозь дебри грамматики галарского языка, который придумали не иначе как для того, чтоб у изучающих его мозги закипели. Знание основных законов Партонии – какая же это была тоска затверживать положения из пыльных фолиантов! История магии, которая представлялась набором никому не нужных дат! Зато отец наконец-то озаботился вопросом развития мирного слабенького дара и все два оставшихся летних месяца, плодень и жарень, она не от случая к случаю, а ежедневно пыталась заниматься с наставником, специально выписанным для детей графа Ди Андради. И тот даже дотянул ее до ранга файтер.

И, наконец, 30 жареня она переступила порог Школы магии, поскольку с 1 желтня, начального месяца осени, она становилась ее официальной учащейся. Первое впечатление от Школы у Миры сложилось одно – ужас. Все куда-то неслись, что-то выясняли, чего-то требовали, волокли магическими захватками баулы и сундуки, периодически попадая их острыми частями по тем, кто не успел убраться с их дороги. Грозно командовали студенты второго курса с повязками на рукавах, распределяя поток обалдевших новичков по местам проживания. И только к вечеру, когда все немного утряслось, она сумела, наконец, перевести дух.

Поселили ее в комнате с Дианой Диерано, воздушницей. Та, как все представители ее дара, оказалась легкой, веселой, впрочем, периодически ехидной и резковатой. Но с ней оказалось вполне можно договориться как о разделении обязанностей, так и о остальных условиях совместного проживания. Именно она Миру предупредила, что старшекурсники завтра будут пытаться «ломать» новеньких. Потому никому не верить, никаких обещаний, или упаси Мать-Заступница клятв не давать, упираться на нарушение правил и всеми лапками отстаивать свою независимость. Остаток вечера соседки провели, разбирая вещи, и пытаясь привнести хоть капельку уюта в казенное помещение. Особенно этому поспособствовала предусмотрительно прихваченная воздушницей из дому корзинка с принадлежностями для чаепития и даже с домашними пирожками.

А утро следующего дня после завтрака ознаменовалось общим собранием студентов в актовом зале, но котором директор Школы Диего Паулу Родригешу Алмейда коротко, но жестко предупредил как поступивший поток, так и старшие курсы, что никто не собирается терпеть двух вещей: отлынивания от учебы и нарушения дисциплины. Потому что он лучше потратит государственные деньги на обучение слабого, но умеющего соблюдать стандартные требования мага, чем на разгильдяистого гения, не способного работать в команде.

А после собрания начались «смотрины». Два старших курса бесцеремонно обступили новичков и начали их разглядывать и вслух обсуждать. Заявления типа «тощеваты», «выбрать некого» и «хоть на что-то они могут сгодиться» порхали в напряженном воздухе. Мира чувствовала себя одной из мелких репок на овощном прилавке, который перебирает уверенная рука поварихи. Причем поварихи, еще не определившейся с видом блюда, и, соответственно, с методом обработки овоща: порезать? Потушить? Сварить? Но что-то делать обязательно будет, просто укатиться овощу под прилавок не позволят.

– Диана, а это вообще нормально? – шепотом спросила Мира у сокомнатницы.

– Нет, это надежда на то, что кто-то из нас сломается и добровольно согласится на роль прислуги. Или постельной принадлежности. Я ж тебя еще вчера предупреждала!

– Что делаем?

– Брыкаемся и ссылаемся на правила.

– Мне вот эту! – продекларировал разодетый щеголь в бордово-черных одеяниях и ткнул пальцем в Диану.

– Мне уже идти к директору? – ангельским голосом ответила Диана.

– Зачем к директору? – не понял щеголь.

– Ну как же, добавить свою медяшку на чашу весов об отчислении для не соблюдающих дисциплину.

– Да как ты...

– Она в своем праве! – вклинился невысокий русоволосый новичок. – Поясняю для новеньких: согласно Уставу, учащиеся Школы не имеют права давить на соучеников и чего-то от них требовать! Пункт 14, параграф 2. Они сейчас будут врать и пытаться заставить нас прогнуться, не поддавайтесь! Иначе с Вас возьмут клятву служения, и вы даже пискнуть без разрешения не сможете!

Старшекурсники возмущенно зароптали, и тут до Миры дошло как они собирались действовать. Сначала заявить новеньким об их бесправии, предложить покровительство, а потом стребовать клятву подчинения и служения. И да, после такого не то, что пискнуть, даже дать понять кому-то, что ты этого не хотел, не получится. А подчиняться придется буквально во всем, ограничений у клятвы нет. Осознав свое возможное будущее, кто-то за мириной спиной со свистом втянул в себя воздух, кто-то приглушенно ахнул, кто-то вы-

ругался. Толпа новичков глухо зашумела и не сговариваясь сгрудилась поближе к русоволосому парню.

– Я смотрю, тут кто-то сильно умный, – зловеще процедил щеголь, злобно прищурившись.

– Я смотрю, тут кто-то сильно хочет вылететь, – не менее неприятным голосом ответил русоволосый крепыш и оскалился.

– Я ж тебя...

– Нарушение пункта 14, параграфа 3, – практически пропел подкованный новичок, – применение физического и магического давления карается многими способами... Кстати! – тут он развернулся к толпе новеньких. – Сейчас все выясним. Кто-то хочет в бесправные слуги?

– Род Диерано приносит клятву служения только королю! – буквально рывкнула Диана, делая шаг вперед. Мира согласно кивнула, сжав кулаки, еще не хватало виконтессе Ди Андради прислуживать всяким наглецам. Весь первый курс ощетинился и продемонстрировал свое отношение к зачислению их в услужение.

– Я – здесь король! – провозгласил щеголь. – И я требую...

– Корона не жмет? Ушки не царапает? – бесцеремонно перебил его русоволосый. – Новички, давайте отсюда уходить, ничем, кроме пустых угроз, нас здесь больше не порадуют.

– Ну, почему же, кое-чем порадуют, – раздался бархатный баритон буквально из пустоты и из-под заклятия невидимости выступил якобы ушедший директор. – Например, выне-

сением благодарности знающему студенту... Вы у нас кто?

– Агуштин Тейшейра – водник, – отрекомендовался ру-соволосый.

– Откуда такие познания в Уставе?

– Раз мне здесь учиться... надо знать правила. Вот я Устав и вызубрил. Заранее.

– Bravo! За смелость и предусмотрительность четыре дополнительных балла, и два Вам, студентка Диерано, за храбрость и преданность престолу. Что касается, Вас, Арантеш... Вам, как я посмотрю, корона не жмет. Она у Вас на ушах виснет, потому что многовато Вы на себя берете, и это несмотря на все предупреждения. Вам – неделя карцера, новички – свободны, остальные – марш учиться!

Сказать, что новеньких как ветром сдуло, это ничего не сказать, Мира с Дианой пронесли по коридорам к своей комнате с такой скоростью, что чуть не побили рекорд по перемещению порталом. Вместе с ними пробежался еще и ру-соволосый новичок Тейшейра, оказавшийся давним дианиным приятелем и соседом по поместьям. И только заперев за собою дверь новоиспеченные студенты сумели перевести дух. А напоенный чаем с успокаивающим сбором Агуштин сумел, наконец, внятно объяснить, куда они все чуть не вляпались.

Оказывается, в Школе существовала «милая» традиция обманом подбирать себе новичков в услужение. Многие свежеиспеченные студенты «ломались» под перечислением гра-

да вероятных неприятностей, которые непременно их ждут без покровительства кого-то из «старожилов». А для покровительства всего-то и нужно, что дать покровителю клятву служения, тогда никто не посмеет их и пальцем тронуть. При этом «старички», естественно, старательно обходили стороной вопрос, что они сами потребуют от клятводателя. А потребовать можно было почти все. Рабство по сравнению с «ошейником» клятвы еще не самый худший вариант. Многим первокурсникам, давшим подобную клятву, приходилось исполнять при старших студентах обязанности уборщиков, прачек, стряпух, лакеев. И да, постельных игрушек, ибо чаще всего клясться заставляли именно девушек, и именно для этого. И пожаловаться не выйдет, после клятвы служения тебя еще дополнительно заставят поклясться, что все твои действия абсолютно добровольны. Кстати, игрушкой ведь и поделиться с приятелями не грех...

Мира как представила себе все «прелести» подобного общения, так чуть не села мимо стула. Как так-то? Они же обманщики, манипуляторы и шантажисты! И это будущие маги, от которых зависит само существование Партонии. Это те, кто собирается занять если не главные руководящие, то как минимум, не самые низкие посты. Интересно, а директор-то в курсе, что может ждать его подопечных в Школе? Видимо, в курсе, раз сегодня пришел им на выручку, пусть и в последний момент. И, кстати, откуда подобная информация у Агуштина?

– А ты откуда все это знаешь?

– У меня старший брат здесь год отучился до Академии, буквально чудом увернулся от такого же вот наглеца. Вот он меня и предупредил, а, заодно потребовал, чтоб я Устав наизусть знал. Во избежание.

– А этот наглец, который типа «король», ну, который на Диану нацелился, он кто был?

Наглец оказался не типа, а вполне себе реально местным «королем», графским потомком Прошперу Ди Лурдеш Арантешем, который сразу и навязчиво так дал понять новичкам, кто на этой выставке разнопородных петухов главный экспонат. Агуштин неявно намекнул, что данный студент обладает не просто склонностью к редкому дару – некромантия, но и по происхождению стоит несколько выше всех учащихся. Мира уже собралась съязвить насчет своего несколько более высокого происхождения, потом вспомнила единственного виденного ею некроманта... и промолчала. Не нужна ей такая «горячая» информация, опасное это дело не то, что обсуждать, даже лишний раз думать об этом. Вслух она подумала о другом:

– Он теперь будет тебе мстить. И Диане. И всем, кто миновал его жадные конечности. Нас ждет веселая жизнь...

– Зато нас ждет свободная жизнь, а это дорогого стоит!

А потом утвердили расписание и началась учеба. Часть предметов была относительно знакома и не вызывала ни удивления, ни отторжения: языки, или история магии. Но

некоторые предметы были достойны того, чтоб войти в пыточный арсенал спецслужб как методы практически мгновенного действия. Например, «Философия магических воззрений». Мира уже к концу первой страницы базового учебника была готова сознаться в чем угодно, только бы не продираться сквозь дебри мыслей давно почивших авторов. Как ехидничала Диана «от всех нашумевших убийств последнего века до группового изнасилования крупного рогатого скота в извращенной форме». Мира даже попыталась донести до преподавателя мысль о том, как бы органично данный предмет вписался не в процесс обучения, а в пыточную практику, но добилась только того, что преподаватель, почтенный Педру Энрике Падиля, разобиделся подобному отношению к своему курсу и раз и навсегда записал студентку Ди Андради в разряд тупоголовых и неблагодарных.

Было только одно занятие, на котором удавалось слегка помучить окружающих, потому как не все ж одной страдать? Это были занятия музыкой. Музыкальные инструменты Миру явно побаивались, равно как и она их. Звуки, извлекаемые ею из любого инструмента, предлагаемого наставниками, были больше похожи на вопли заживо препарированных тупым скальпелем. Породу животного, оттоптавшего ей уши, не брался точно определить никто в Школе. Но все сходилось на том, что это был кто-то ну очень крупный и очень тяжелый. Зато и желающих постоять у нее над душой в процессе... музицирования, тоже было... никого. Именно здесь

и появилась возможность побыть, наконец, в одиночестве.

Потому что отношения с соучениками у Миры не складывались. Если пара старшекурсников Криштиану Морейра и Фернанду Фару как-то робко пытались за ней вроде как поухаживать, то практически все остальные восприняли ее в штыки. Буквально со второй недели пребывания в Школе начались неприятности. И если сначала все выглядело как случайности, ну, мало ли, споткнулась и упала при входе в аудиторию на радость всем присутствующим, ну, подумаете, нашли желающие посмеяться над мириными не самыми модными туалетами, ну, бывает, что именно ее попытались, слава Матери-Заступнице неудачно, обвинить в порче оранжевой баррингтонии азанской, но обнаружив свое лучшее платье разорванным, она крепко призадумалась. А уж порезав на следующий день ногу битым стеклом, каким-то невероятным образом попавшим в ее балетки для танцев, она поняла, что речь идет о преднамеренной травле. И прихватив испорченное платье, направилась напрямик к директору, наплевав на то, что пятнает кровью из пострадавшей ноги паркет.

Директор Алмейда, надо отдать ему должное, принял ее сразу, увидев кровь, вызвал дежурного медикуса, молча выслушал и про насмешки, и про прямые подножки, и про доносы, и про испорченное платье, и про клей со стеклом в балетки. Так же молча осмотрел рану на ноге, пострадавшие вещи и пообещал разобраться. И разобрался, устроив

допрос всем студентам с применением артефакта, отсекающего ложь. Результаты оказались... странными.

Узнав о зачинщиках издевательств, Мира буквально оторопела. Ими оказались студенты третьего года обучения: некромант Прошперу Ди Лурдеш Арантеш и Моника ди Магальяинс из огневиков. Им-то она зачем сдалась? Допустим, тот же Арантеш мог злиться на Диану, вывернувшуюся из его липких конечностей, но она-то тут при чем? И чем она не угодила Монике, которую в глаза не видала и о существовании которой слышит в первый раз?

Результатом разборок стал скандал, свидетелем которого оказалась вся Школа. Вот правильно говорят, не выбирайте себе огневиков во враги, тогда от вас останется то, что можно будет похоронить. А Диего Паулу Родригешу Алмейда был огневиком ранга нохоз, с перспективой прима, что означало максимальную «взрывчатость» носителя. То, что он счел нужным сообщить некроманту слышно было наверняка за несколько миль от его кабинета.

А счел он нужным сообщить и об отсутствии у Прошперу чести и достоинства, потому что только законченные трусы и моральные уроды позволяют себе издеваться над слабыми, и, что особенно неприятно, имеют мерзкую привычку выбирать для это представительниц слабого пола. Также директор отметил и непомерно раздутую гордыню некроманта, который третий год подряд зря протирает в Школе парадные портки, но все никак не может превысить слабенький ранг

янлер, а способен только амбиции проращивать на пустом месте.

Завершилась беседа тем, что Алмейда назначил Прошперу наказание в виде декады в карцере и пообещал, что подобная выходка была предпоследней. «Мне надоело ограничиваться предупреждениями!» – орал он. «После любого, слышите, Арантеш, любого хоть самого малейшего нарушения Устава Школы Вас ожидает публичная порка с последующим публичным же выкидыванием за дверь Школы магии! Без права на восстановление!»

Беседа с Моникой ди Магальяинс прошла у директора не на таких повышенных тонах и подслушать подробности не удалось. Но вышла студентка из кабинета бледная и с крепко сжатыми губами. И ничего никому из подруг и прихлебатель так и не поведала. Зато в тот же день оба они, и Прошперу, и Моника принесли публичные извинения Миранде, пообещав, что подобное больше никогда не повториться. Сама Моника и еще несколько студентов и студенток, видимо уличенных в тех самых конкретных шалостях, отправились на самые неприятные отработки – в конюшню и на кухню. А в комнате Миры появился сверток с новым платьем и кошелек с шестью золотыми. «Компенсация за испорченные одежды и потрепанные нервы», – хмыкнула ехидная Диана. – «Дешевые у тебя нервы, должна я отметить!»

Самым неприятным последствием разборок для Миры стало резкое отчуждение большинства студентов и особенно

студенток, практически возненавидевших ее за неприятности, перепавшие «королю» и его подпевалам. Иногда она думала, насколько забавная штука жизнь: пакостили одни, за что и поплатились, а в результате не залюбили именно ее.

Зато с Дианой и Агуштином их дружба только крепла, и именно воздушница периодически жестко давала отпор некоторым студенткам, пытавшимся после скандала «поточить зубки» о Миру. В их тройственном союзе, где Мире как магу земли досталась основательность, а Диане – порывистость, дианина резкость хорошо уравновешивалась мягкостью ее давнего приятеля Тейшейрой, чьей стихией являлась вода. Только у него получалось спокойно выносить как непредсказуемые перепады ее настроения, так и неожиданные выплески энергии. Мира втихоря надеялась, что из этой застарелой дружбы со временем получится нечто более напоминающее взаимную симпатию, а, может, и впрямь нежные чувства. И в противовес не принимающих Миру студентов в их компанию постепенно влился Фернанду Фару, продолжавший выказывать ей скромные знаки внимания, что немедленно стало поводом для Дианы позубоскалить о несчастном влюбленном. Впрочем, и Мира не оставалась в долгу, умудряясь насмешками удерживать подругу от лишних телодвижений. Например, отговаривая ее от посещения тренировочного зала.

– Я, пожалуй, пойду в зал... потренируюсь...

– Ди, ты совсем с ума сошла?

– Нет, я еще на полдороге!

– Ага. И идешь ты сейчас в тренировочный зал не потому, что тебе там и впрямь потренироваться захотелось, а потому что там сейчас по расписанию занятия у группы Тейшейры. Уже вся Школа сплетничает, что ты за ним бегаешь!

– Я за ним не бегаю! Я... это... охочусь. И не порти мне настроение – у меня тонкая душевная организация!

Настолько тонкая, подумала Мира, что твоей душевной организацией хорошо врагов по маковке отоваривать – смертельный исход гарантирован.

– Слушай, Диана-охотница, ты, это, временно заканчивай промышлять добычей бедного Агуштина, и начинай уже готовиться к завтрашнему зачету по бухгалтерии, а? Сам он себя не сдаст! А Агуштин и завтра из Школы никуда не сбежит. Успеешь еще... заохотить.

Диана принималась ворчать, обзывала Миру приземленной, скучной и ни разу не нормальной, но усаженная твердой рукой за учебники, начинала готовиться к сдаче зачета. А еще помогал готовиться к семинарам и практическим занятиям Фернанду Фару, ставший за последние месяцы частым гостем в их комнате.

В отличие от большинства студентов, разве что не плевавших ей вслед, Фернанду продолжал ненавязчиво присутствовать при чаепитиях, приносить маленькие букеты цветов, объяснять непонятный Мире с Дианой, но им самим уже пройденный материал, и как-то незаметно стал своим в

их маленькой компании, которая теперь насчитывала четыре человека. Мира уже не съезживалась, когда он целовал ей руку, а даже как-то чувствовала себя обделенной, если этого не происходило. Ей нравилось, когда именно он оказывался ее партнером в танцклассе, и обнимал ее за талию на законных основаниях. А как-то сорванный с ее губ в оранжерее полновесный поцелуй и вовсе заставлял ее думать о чем-то явно фривольном и... даже неприличном.

А уж когда он пригласил Миру стать его официальной парой на Зимнем балу, традиционно проходившему в Школе перед первой сессией, даже Диана безапелляционно заявила:

– Все! Парень спекся! Интересно, как твой отец отнесется к подобному зятю?

Мира покраснела, но так... для себя... отстраненно прикинула как это будет звучать – Миранда Фару. А что, красиво.

– Ну, Диана Тейшейра тоже неплохо будет звучать...

Приготовления к празднику – занятия всегда приятные, и Мира с Дианой купили себе по новому платью и с утренним энтузиазмом разучивали стандартную танцевальную программу. А утром дня Зимнего бала Диане пришла магограмма, что ее мать находится при смерти, и та вынуждена была срочно покинуть Школу. Пришлось Мире идти на бал без верной подруги, но с кавалером, что искупало многое.

А потом были танцы и фейерверк за окнами бальной залы. И пушш с минимальным количеством, но все-таки ал-

коголя. И слова о любви. И поцелуи в нише, подалее от остальных студентов. И поцелуи в ее комнате, где они остались с Фернанду вдвоем. И первое в жизни слияние с женщиной. Ушел он только под утро. Прислушавшись к своим ощущениям, Мира не смогла сказать, что она получила такое уж прямо огромное удовольствие. Но... она чувствовала себя взрослой. Впервые в жизни привлекательной. Наконец-то для кого-то желанной. Ровно до того момента, когда вошла в столовую.

А там ей довелось стать свидетельницей отвратительной сцены, когда Прошперу Ди Лурдеш Арантеш и Криштиану Мореира при всех вручали Фернанду Фару выигрыш в обмен на демонстрацию ее нижнего белья. Оказывается, все усилия Фернанду по уходу за ней были ложью. Они просто поспорили, сумеет он ее соблазнить или нет. Он выиграл и теперь принимал деньги и поздравления.

То есть все это не любовь, а так, развлечение на спор. Услышав это, Мире показалось, что с нее сдирают кожу живьем. Мало им было просто поспорить, они еще начали обсуждать подробности при всех остальных студентах. Ладно Арантеш, у него явные проблемы с воспитанием и поведением, но неужели Криштиану и Фернанду не стыдно и не противно в этом участвовать? А, похоже, нет. Иначе бы все трое так не веселились. И Моника вместе с ними так бы не ухмылялась.

Что она им сделала, чтоб с ней... вот так?! Ее хватило

только на то, чтоб сказать единственную фразу и уйти из Школы навсегда. Портальное кольцо на крайний случай всегда при ней, так что пусть эти пауки и дальше живут в своей банке, а она домой. И плевать, что начнет ругаться мачеха, хмуриться отец и будет недоволен король, Мира больше никогда не хочет видеть этих... упырей.

Портал домой сработал штатно, перенеся Миру в каминный холл. Но покоя не нашлось и дома. Какие-то незнакомые служащие сновали по фамильному замку, переписывая картины и мебель, какие-то чужие люди выносили их имущество. Мира пыталась требовать ответа, что, собственно, происходит, и рыдающая экономка, Валентина Антунеш, объяснила, что граф и графиня Ди Андради заключены под стражу по обвинению в государственной измене, а имущество подлежит конфискации. Мире казалось, что она участвует в каком-то нереальном представлении, в театре абсурда, где сценарий написан свихнувшимся автором, а все персонажи исполняют чужие, несвойственные им роли. Какая измена? Какая конфискация? Есть в этом бедламе хоть кто-то способный здраво соображать и объяснить хоть что-нибудь?

Ситуацию вроде бы прояснил, а вроде бы еще больше запутал Бенту Пералта, уполномоченный представитель короны. Он-то и рассказал Мире, что ее отец арестован, как один из участников заговора против Его Величества Карлуша Эдуарду Ди Виэйра IV в пользу его кузена. Граф с женой заключены в королевскую тюрьму и приговор уже вынесен:

их ожидает смертная казнь. Мира почувствовала, что сейчас она, кажется, первый раз в жизни упадет в обморок.

Бенту Пералта подхватил ее под локоть и усадил на стул, неведомо как пропущенный шустрými мародерами. Он даже сподобился раздобыть ей стакан воды и разъяснил всю глубину ситуации, в которую она угодила. Графа с графиней уже не вернуть. Имущество тоже. Сыновьям графа и ей он назначен в качестве временного опекуна. Местом проживания детей определено дальнейшее поместье, принадлежавшее когда-то мириной матери. Ей разрешено забрать самый минимум личных вещей и следует готовиться к переезду в Карштайш.

В поместье, куда Мину привез Перальта, ситуация не улучшилась, а усугубилась. Денег на проживание и еду оказалось по минимуму. Личных вещей почти не было. Из всех слуг остался один старый Лукаш Коимбра, который был и за садовника, и за сторожа, и за истопника. Им пришлось учиться все делать самим, и стирать, и гладить, и готовить, и убирать. Мальчишки плакали по ночам, а днем растерянно жались к Мире как к старшей, и та хорошо их понимала, не каждый день происходит крушение твоего мира. И если она тосковала только об отце, поскольку ей графиня приходилась чужим человеком, то чувства Виторио и Сантьягу, потерявших сразу обоих родителей, она даже боялась себе представить.

Бенту Пералта приезжал проводить их каждые две недели.

А однажды появился с очень интересным предложением и выразил желание побеседовать с Мирой наедине.

– Осознаете ли Вы, графиня, насколько изменилась Ваша жизнь? Заметьте, я сейчас не имею в виду чисто бытовой аспект. Но не задумывались ли Вы о будущем? Вашим и ваших братьев? Его Величество понимает, что конкретно Вашей или их вины в участии вашего отца в заговоре нет, но тень поступков родителей неизбежно ложиться на детей. И если в отношении ваших несовершеннолетних братьев принять решение оказалось проще: их переводят в школу-интернат с углубленным изучением магии (не разбрасываться же столь перспективными магами земли!), то как поступить в отношении Вас, король и Совет разошлись во мнениях. У вас есть два пути: Вы можете вернуться в Школу магии и доучиться там, хотя, судя по Вашему второму уровню, это потолок в овладении Вами даром. Или... возможно Вас больше заинтересует другое предложение.

Мира до боли вцепившись пальцами в потертую обивку старенького кресла, ждала второго предложения, понимая, что она лучше умрет, чем вернется в Школу.

– Вам вскоре исполнится восемнадцать, это возраст второго совершеннолетия. Несмотря на отца-заговорщика, в Ваших жилах течет благородная кровь. И, возможно, для Вас будет наиболее приемлемым выходом замужество и последующая смена фамилии. В данной ситуации ни король, ни Совет не могут заставить жениться на Вас тех благородных

лордов, которым Вы ровня по происхождению. Но и отдавать Вас в низшее сословие – неприемлемо. Таким образом выбор оказался максимально суженным. Желających породниться с опальным родом немного, но они есть. Вашей руки у короля попросил барон Загалу. Я не требую, чтоб Вы немедленно озвучили свое решение, однако я хотел бы получить от Вас ответ в свой следующий визит.

В следующий визит... А, чего ей, собственно, ждать? Мальчишки пристроены, в Школу магии она больше ни ногой, какие у нее остались варианты? Вот выйдет она замуж за этого... за барона Загалу, и постарается все забыть и стать ему хорошей женой.

– У меня есть время попрощаться с братьями или мы выезжаем немедленно?

Пералта, даже если и удивился, виду не показал, и сообщил, что у нее есть время не только на прощание, но и на сбор ее немудрящего скарба. Попрощавшись с братьями, Мира решительно села в карету, увозившую ее в новую жизнь. И уже через две недели в храме Матери-Заступницы барон Виторину Загалу надел ей на руку обручальный браслет.

Однако ее надеждам, что в жизни наступила светлая полоса сбыться было не суждено. Первая же брачная ночь превратилась в кошмар. Осознав, что не является первопроходцем, барон пришел в ярость. Мира наслушалась такого количества ругательств, которого ей не доводилось слышать за

всю жизнь. Пообещав ее наказать за неумение до свадьбы держать ноги вместе, Виторину кулаками выместил на ней всю злобу обманутого мужа.

А потом барон сообщил, что раз уж взятая замуж из милости девица оказалась шлюхой, то и вести он себя с ней будет соответственно. И наказывать за прошлые гулянки станет обязательно, чтоб ей было не повадно пытаться изменить ему, уже будучи в браке. Напрасно Мира пыталась рассказать ему, что было-то всего один раз и по глупости, барон ничего слушать не хотел. Он запер Миру в ее комнате, привязал к кровати и измывательства приобрели постоянный характер, так что приходилось периодически даже вызывать медикуса, чтобы смягчить последствия визитов мужа.

И однажды... Однажды Мире стало все равно. Она почти перестала двигаться. Механически ела, механически мылась. Не хотела одеваться, а зачем? Все равно придет супруг-садист и порвет на ней очередную одежду. Служанки пытались от нее чего-то требовать, Мира их не слышала. Приходящий медикус периодически что-то бинтовал, где-то мазал, Мира не реагировала. Муж врывался в спальню и что-то кричал, Мира криков не воспринимала. Механически накрывалась одеялом после его ухода и проваливалась в мир снов, где никого из них не было. А было яркое небо плодныя, месяца ее рождения, и легкие облака, и циннии, расцветающие в саду отцовского замка нежно-фиолетовыми пышными бутонами, похожими на шары, которые хотелось не сорвать,

а аккуратно потрогать, всего одним пальцем, чтоб пышная шапка цветка затрепетала от движения, как будто спрашивая, чего нейметя, зачем мешаешь. Но и в этом отстраненном мире ей долго оставаться не позволили.

Как-то вечером пьяный до изумления муж решил, что драгоценная супруга изведала далеко не всю палитру возможных сексуальных развлечений, и этот пробел необходимо срочно восполнить. Поняв, что именно ее ждет, Мира «вынырнула» из снулого состояния и даже попыталась сопротивляться, вот только силы оказались неравны. Придя в себя через несколько часов издевательств и унижений, она поняла, что так больше продолжаться не может. Или он ее убьет, или она сумеет найти возможность прекратить эту пытку по недоразумению называемую замужней жизнью. Надо бежать.

Мира прислушалась – в доме царила ночная тишина. На сей раз ее не привязали, так что свобода передвижений у нее есть. А дверь? А дверь закрыта, но на ее счастье не заперта! Из обуви нашлись только легкомысленные домашние шлепанцы, из одежды – покрывало. Подбадривая себя сообщениями, что на улице конец цветня, а значит, достаточно тепло, она, закутавшись в покрывало, на цыпочках спустилась на первый этаж, молясь про себя Матери-Заступнице, чтоб ее не выдал несвоевременный скрип половиц. Барон не простит ей попытки побега и второго шанса у нее уж точно не будет. Кухня на исходе ночи оказалась пустой,

и отодвинув засов, Мира выскользнула в дверь, через которую обычно доставлялись продукты. А теперь к калитке, ведущей в переулок, там нет охраны, и быстрее, быстрее! Кутаясь в покрывало, теряя слетающие тапочки, Мира бежала в рассвет сквозь просыпающуюся столицу, надеясь, что по раннему времени никто ею пристально не заинтересуется и не попытается остановить. Потому что не каждый день по улицам Либреса бегают полуголые девицы. А если бегают, то самим своим видом заявляют о принадлежности к разряду дам... полусвета, так скажем. И необходимости лишний раз с ними церемонится нет. А вот настырно и насильно предложить им соответствующее положению времяпрепровождение желание найтись вполне может. И искать в таких случаях бывает некого, Мире доводилось читать о пропавших без вести молодых девушках разных сословий, которые выкрадывались торговцами живым товаром и пропадали навсегда. Потому она так и торопилась добраться до единственного места, где ее могли выслушать и предоставить защиту – в королевский дворец Партонии.

Столичная приемная короля Карлуша Эдуарду Ди Виэйра IV, хоть и начинала работу с десяти утра, но охранники жалелись над умученной хромающей Мирой и разрешили ей подождать внутри присутствия до прихода законного представителя Его Величества, даже умудрились организовать ей кружку горячего чая. Пришедший на службу Жуан Энрике Франка сначала долго не хотел Мире верить, потому что у

нее не было с собой ничего, даже личной пластины<sup>3</sup>, зато вид был... н-да, своеобразный у нее вид был. Поэтому он быстро сообразил, как снять с себя ответственность и составил первичную жалобу на действия барона Загалу, после чего и направил полусонную Миру в сопровождении стражника в королевский лазарет, пусть там ее медикусы осмотрят и вынесут решение о правдивости ее заявлений.

После первичного осмотра дежурным интерном к Мире пригласили аж самого Жуана Витора Лобу – главного королевского медикуса, который только ахал и ругался сквозь зубы, обнаруживая ее очередную рану или ссадину. А потом, обработав повреждения, велел ей выпить снотворный эликсир и пообещав сегодня же предоставить королю подробный отчет, оставил ее засыпать под присмотром взволнованной немолодой монахини-викентианки.

Мира так и не смогла понять, почему она проснулась. За окном было темно, единственная маголампа у кровати светила вполнакала, пожилая монахиня мирно дремала в кресле, а ее саму снедало странное беспокойство, требовавшее куда-то идти. Покрутившись в разные стороны, она поняла, что сон пропал и тихо, стараясь не разбудить спящую монахиню, поднялась. Накинула халат, висевший на стуле. Странное беспокойство усилилось, и потянуло ее к камину у левой от входа стены. Проведя против часовой стрелки (зачем?) по основанию подсвечника, прикрепленного к камин-

---

<sup>3</sup> Личная пластина – замена документов в нашем понимании.

ной полке, она даже не удивилась, когда в стене распахнулся узкий проход. Судя по обилию пыли если им и пользовались, то это было очень давно. И что она там забыла? Но внутри что-то подталкивало, иди, тебе туда очень нужно! И Мира неуверенно протиснулась в узкий пыльный коридор, который вел куда-то вглубь дворца. Чем дальше она шла, тем яснее крепло осознание, что ее ждет действительно что-то нужное, хотя откуда бралась эта уверенность, понять она так и не смогла. В какой-то момент времени из-за стены послышались голоса. Один голос был ее мужа, а вот второй... второй она тоже когда-то слышала, но сразу узнать не получилось. В любом случае, если муж во дворце, надо выяснить, чего он хочет, а вдруг у него получится забрать ее с собой? Тогда ей точно не жить.

– ... и забрать свою жену!

– Воссоединение семьи – дело богоугодное. Только вот почему у Вас, барон, жена в таком измочаленном состоянии? Не дело это для дворянина поднимать руку на свою вторую половину.

– Понятия не имею, во что она умудрилась вляпаться, сбежав из дому, но я намерен досконально разобраться в этом вопросе!

Вывернется, с ужасом подумала Мира. Сейчас он свалит все мои увечья на последствия побега, а сам останется чистеньким. И отныне будет «воспитывать» строптивую супругу с особым усердием до результата «пока смерть не разлу-

чит нас», причем уже с ведома и одобрения власти. Только не это!

– Однако, нанесенные баронессе увечья не ограничиваются последними сутками. Мой придворный медикус утверждает, что Миранда Загалу подвергалась постоянным побоям и издевательствам последние примерно четыре месяца. Я так должен понимать, что она где-то пробегала всё время вашего брака? Тогда почему Вы пришли ее искать именно сюда и именно сейчас?

– Нет, она сбежала впервые, но она бывает крайне неосторожна и... неуклюжа...

– Барон, прекратите делать из меня дурака! Мы с Вами оба знаем о Ваших, скажем так, специфических склонностях в отношениях с женщинами! Я не буду напоминать Вам, что именно поэтому с некоторых пор Вы персона нон грата в столичных борделях. Зато я напомню Вам кое-что, о чем Вы предпочли забыть. У Вас крайне странно умерла первая жена, упав с башни фамильного замка и свернув себе шею. Ваша вторая жена скончалась в Либресе якобы от красной сыпи, причем это был единичный случай на весь центральный регион, который тем не менее дал Вам основания настаивать на похоронах в закрытом гробу. И вот теперь мы видим появления Вашей «любви» на третьей супруге. Я смотрю, Вы никак угомониться не хотите, видимо пора Вам в этом помочь, пока Вы скоропостижно не превратили себя во вдовца по третьему разу.

– Ваше Величество, но Вы же сами разрешили...

Так это барон с королем разговаривает? Стоп, что значит, сами разрешили? Что король мог ему разрешить?

– Барон, мне не нравится направление, которое Вы собираетесь придать нашему разговору!

– Ваше Величество, а в каком еще направлении наш с Вами разговор может пойти? Вы прекрасно знали о моих... пристрастиях, и при этом чуть не насильно всучили очередную жену с условием воспитать в строгости, но не убить! Мы вроде как договорились, а теперь выясняется, что Вы недовольны тем, как я выполнял Ваши же указания.

Так это что же получается, король ее специально подложил под этого уroda? Но зачем?

– А Вы, барон, я смотрю, осмелели не по чину. Вам доверили ценную для целой страны девицу, а Вы с Вашими ничемными садистскими стараниями даже не смогли ее «разбудить»!

– А что я должен был делать?

– Вы должны были на нее аккуратно давить, вынуждая раскрыться, а не ломать! От Вас требовалось «расшатать» защиту ее дремлющего дара, а Вы вместо этого тупо превращали ее в отбивную!

– Так это была не монаршья милость, а какой-то план с дальним умыслом?

– Эх, барон, барон... объяснял же я Вам... Девочку нужные люди и без того уже достаточно заклевали в Школе ма-

гии, а ваш брак должен был помочь ей окончательно утратить самообладание и научиться выплескивать непроснувшийся дар. Методика поэтапного «раскачивания» обычно не дает сбоев. Но... не в Вашем случае. Раз уж Вы потерпели фиаско, теперь придется ждать ее второго совершеннолетия, которое наступает в восемнадцать лет, то есть послезавтра. Кстати, если бы она сегодня от Вас не сбежала, завтра я бы и сам потребовал доставить ее во дворец для беседы. А, теперь... Вы, знаете, что, барон... Вы ведь мне по сути больше не нужны. Указ в отношении Вас подписан. Стража!

Простучали за стеной сапоги, раздался короткий приказ и вопящего барона выволокло из кабинета несколько человек, оставив короля в одиночестве напевать фривольную песенку. Мира перевела дыхание, боясь выдать себя лишним звуком, что было бы сейчас совсем некстати. Так вот как дела обстоят. Н-да, какая честь! Его Величество Карлуш Эдуарду Ди Виэйра IV лично занимается обеспечением раскрытия ее недопроснувшихся способностей! Как бы не описаться от восторга. Другими словами, все это было не случайно, это было рассчитано. Давление, значит. «Раскачивание», значит. В полное распоряжение абьюзера, значит. Вот, оно как, значит. Ах, ты, падаль коронованная...

Где-то за стеной часы пробили полночь.

## Часть 2. Три, четыре, меня нету в этом мире

Лума закрепила последний фрагмент, промыла его и прошлась мягкой тканью по всей длине изделия. Придирчиво оглядела получившееся украшение и с наслаждением потерла глаза, стянув с лица увеличивающие очки-лупу. Что ж, она может гордиться собой – заказ Бранки Маррокин готов, почтенная синьора может хоть сейчас забрать свою полупарюру<sup>4</sup>: ривьеру и глидерный браслет<sup>5</sup> с мозаикой.

Посмотрев в зеркало, не сильно ли растрепались волосы, она радостно подмигнула сама себе: если ей в настолько молодом возрасте доверяют такую непростую работу, это уже о чем-то говорит! Хотя и училась она в достаточно заштатном заведении, и должность у нее – так себе, помощник артефак-

---

<sup>4</sup> Малая парюра или полупарюра включает в себя два-три предмета: ожерелье и серьги, брошь и серьги, ожерелье и брошь, кольцо и браслет. Большая, или полная парюра, может включать до 15 различных предметов: диадема, ожерелье, брошь, серьги, браслеты, кольца, пуговицы, застежки, шпильки и другое.

<sup>5</sup> Ривьера (англ. Riviera collier, necklace) – разновидность колье, в котором одинаковые или однородные камни соединены таким образом, что вы не увидите мест скрепления, из-за чего создается иллюзия струящегося потока реки. «Глидерный» браслет менее известен. Однако, именно данный тип соединения (по сути, это просто соединенные разными способами (пружинами или шарнирами) звенья разной формы) один из самых распространенных. Такой браслет – нечто среднее между цепочной и жесткой моделью.

тора, причем, в мастерской отца, зато заказы время от времени переппадают повышенной сложности, и пока она с ними вполне справляется. То есть даже очень неплохо справляется! А вот теперь можно и спину распрямить и чайку попить.

Чайку попить удалось, что радовало. Пить его пришлось в компании Зераха Яглома, что слегка напрягало. Как говорить, неожиданных гостей не бывает, бывают хозяева, которые таки потеряли бдительность... Нет, Зерах дядечка хороший, просто он из джудиосов, а это, как известно, практически диагноз. Если после разговора с любым представителем этого народа Вам кажется, что Вы в прибыли – обратитесь к мозгоправу; если Вам кажется, что договорились о чем-то в свою пользу – пишите завещание. А если Вы его пригласили на беседу сами, задумайтесь о срочном приобретении кладбищенского участка на престижном месте, пока у Вас еще есть чем этот участок оплачивать, потому что впереди у Вас беседа с джудиосом.

Ну, у Лумы закалка вполне неплохая, не зря же они всей семьей несколько раз ездили на отдых в знойный Турган, после чего она четко усвоила, что в девяти случаях из десяти единственный шанс отбрыкаться от очередного абсолютно ненужного предложения, это говорить в ответ твердое и однозначное «нет!», не опускаясь до лишних объяснений. Придерживаясь подобной же тактики с дядюшкой Зерахом, часто удавалось увильнуть от его лукавых просьб и остаться «при своих», несмотря на весь напор и уговоры старого мо-

шенника.

– Добрый вечер, дядюшка Зерах. Как Ваше драгоценное здоровье?

– Деточка, – заломив руки, простонал дядюшка Зерах, – о каком здоровье можно говорить! У меня проблемы! Такие проблемы, такие проблемы! Я один не могу с ними справиться!

– Дядюшка Зерах, как говорит наш квартальный жрец, Мать-Заступница справедлива и каждому посылает проблемы по его силам. Так что здесь одно из двух. Либо Вы кокетничаете и таки можете справиться с этими проблемами, либо это не Ваши проблемы вовсе.

– Деточка, – укоризненно покачал головой дядюшка Зерах. – И в кого ты пошла такая...

– Замечательная? Красивая? Умная?

– Вредная! Такая хорошая вроде бы деточка, и такая вредная! У меня такие неприятности, а ей все смешочки!

О, начался второй подход к снаряду. Если не удалось надавить на жалость и вытрясти нужную порцию сочувствия, будем давить на чувство вины из-за отсутствия этой самой жалости.

– А Ваши неприятности позволяют сделать чайную паузу?

– Ты же не собираешься просто напоить меня чаем и попрощаться, я надеюсь?

Надеяться он, конечно, может, только Лума выросла в квартале ремесленников и до ее умения «доставать» себе-

седников почтенному Зераху еще как до Нортхольма ра... в смысле, в интересной позе.

– В смысле Вам чаю и Вы таки уже уходите, слава Матери-Заступнице, или остаетесь, не дай она же?

– Как ты можешь шутить над бедным старым человеком? Завари мне ярражского чая, и лучше сорта сен-ча. Да у меня заказ синьора Арвандейро «горит»! Будь проклят тот день, когда я согласился отладить его артефакт здоровья! И никого, кто мог бы помочь в этой проклятой работе!

Дядюшка Зерах в своем репертуаре, хмыкнула про себя Лума, зажигая плитку под чайником, он опять вдохновенно приступил к любимому занятию – выеданию мозгов окружающих чайной ложечкой. Только он не на ту напал, Лума и сама его мозгами с удовольствием подзакусит, только выберет для этого не щадящую ложку, а сразу кокотную вилку<sup>6</sup>.

– А... геморрой этот... знаю...

– Та шо ты уже такое знаешь, чего я тебе ещё не рассказал?

А то, что знали, считай, все ювелиры и артефакторы столицы. Согласившись чинить капризный артефакт здоровья синьора Арвандейро дядюшка и впрямь влип, видела Лума как-то этот браслет у мастера Самира, там, конечно, сильные камни – сапфиры, но какой дурак вздумал перемежать их авантюринами, оттягивающими на себя больше половины целительской энергии? У такой неправильно скомпонован-

---

<sup>6</sup> Кокотная вилка – прибор, который подают к жульену, имеет 3 зубчика, при этом боковые несколько разведены в сторону.

ной вещи срок действия, естественно, будет коротким, эти два камня уже через пару месяцев совместного «проживания» начинают идти вразнос, и от ношения подобного украшения вреда будет больше, чем пользы. Ежу понятно, этот артефакт не меньше четырех раз в году относится на очередную починку очередному артефактору, потому что по второму разу браться за необходимость хотя бы временно «сдружить» «дерущиеся» камни дураков нет. Да их бы и по первому-то разу не было, если бы синьор Арвандейро мастеров на лезть и слабб не брал, но уж по второму-то разу они все дружно отказывались. Причем, объяснения, что изделие следует переделать полностью синьор не воспринимал. Хочу носить, починяйте!

Сама Лума такой артефакт предпочла бы изготовить из обыкновенного агата, традиционно считающегося камнем здоровья и долголетия. Именно он способен придать жизненных сил и энергии своему носителю, только вот ее мнения синьор Арвандейро как раз и не спрашивал. И вряд ли когда-нибудь спросит. А если спросит, то не послушает. Ибо невместно аристократу носить какую-то дешевую каменюку, оне к благородным камням с младых ногтей приучены.

– Да то, что это не артефакт, а сплошная головная боль. Зачем Вы вообще согласились возиться с этой проблемной вещью?

– Деточка, ну нельзя же отказать аристократу? Отказаться – это ставить под вопрос возможности всего Дома Ягломов!

Ну да, понятно. А Дом Ягломов одно из самых пафосных заведений Либреса, столицы Партонии. И самых дорогих. И реклама типа «нашими изделиями и услугами пользуются самые-самые столичные аристократы» уже практически была у Зераха Яглома в кармане, а теперь невозможность починки закапризничавшей цацки отнимает у него такой шанс. И, главное, никто из конкурентов и пальцем не шевельнет, чтоб оказать ему помощь. Сам влип – сам и выкручивайся.

– Так эти возможности теперь тем более под вопросом!

– Детка, а ты не могла бы...

– Нет. Я умею работать только с полудрагами.

– Деточка, а может ты зайдешь как-нибудь к нам в гости, давно ведь не была, проведаетшь тетушку Сусанну, и... я совсем забыл, Нахумчик чуть не плакал, так по тебе соскучился!

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.